
Т. В. КУЩ

ТОРГОВЦЫ В ОЦЕНКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Среди поздневизантийских авторов только Георгий Гемист Плифон, как показал И. П. Медведев, четко сформулировал свои экономические воззрения, отличавшиеся стройностью и оригинальностью мысли.¹ Другие писатели ограничивались преимущественно отвлеченными рассуждениями по поводу экономических проблем отечества и лучшего обустройства государства. По-разному литераторы оценивали социальные роли и общественную значимость тех, от кого непосредственно зависело состояние византийской экономики. Оценка торговцев Димитрием Кидонисом, одним из поздневизантийских авторов гуманистического круга, станет предметом этой небольшой статьи.

Экономическую ситуацию поздней Византии определяло в том числе и состояние торгово-предпринимательской сферы. Константинополь палеологовского времени сохранял статус крупного торгового центра.² Рынок, торговые улочки с многочисленными лавками, порт, где швартовались груженные товарами корабли, являлись неперемненными атрибутами поздневизантийского города. Жизнь продолжала кипеть на торговых площадях, несмотря на все трудности кризисного времени. И хотя на столичных рынках господствовали итальянцы, византийские торговцы продолжали заниматься своим ремеслом, обеспечивая повседневными товарами жителей Константинополя. Картина византийского города, столь многоликого и полифоничного, была бы неполной без мира купечества.

Торговцы, составлявшие значительную часть городского населения, играли важную роль в экономической и общественной жизни империи. В социальной структуре поздневизантийского общества, по мнению исследователей, торговцы принадлежали к средним слоям

¹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997. С. 163.

² Matschke P.-K. The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth—Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: from the Seven through the Fifteenth Century / Ed. by A. Laiou. Washington, 2002. P. 464.

(μέσσοι).³ И хотя в состав торгового населения входили как крупные оптовики, имевшие значительный доход от своих сделок, так и мелкие лавочники, положение которых было ничуть не лучше последнего бедняка,⁴ сознание византийского интеллектуала не проводило таких социологических различий. Отношение к этой категории в обществе, особенно среди образованной его части, колебалось от нейтрально-безразличного до негативно-пренебрежительного. Георгий Гемист Плифон, не демонстрируя своего отрицательного отношения к торговцам, причислял их наравне с ремесленниками к вспомогательному классу.⁵ Алексей Макремволит, автор полемического «Разговора между богатыми и бедными», в резких тонах изобличал «богатых», под которыми подразумевал торговцев и предпринимателей, размерами своих богатств приближающихся к высшей имперской знати.⁶ Причиной критических высказываний в адрес купечества было пренебрежительное отношение к характеру их деятельности. С точки зрения образованного византийца, торговцы принадлежали к народу, толпе (δῆμος, ὄχλος), неспособным к производству духовного продукта.⁷ Относя купечество к необразованной толпе, интеллектуалы априорно отказывали этой категории в достойной оценке. Не являлся исключением и византийский писатель второй половины XIV в. Димитрий Кидонис.

Торговец (ἐμπορος) крайне редко появляется на страницах обширного эпистолярного наследия Димитрия Кидониса. Но даже скудные сведения о купечестве позволяют составить представление об отношении этого интеллектуала к торговому люду и его морали, поскольку каждое упоминание о торговце в тексте его писем наполнено эмоционально-оценочным содержанием. И если Кидонис допускает купца в свой эпистолярный мир, то сопровождает его появление зачастую нелицеприятными характеристиками.

Социальная значимость той или иной категории населения определяется Кидонисом, исходя из ее пользы для общества. Характеризуя суть торговой деятельности, Кидонис отмечает, что торговцы строят корабли, закупают у производителей товары и переправляют их на дальние рынки.⁸

³ См.: *Завражин В. Н.* «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина // *Средневековый город*. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 224—230; *Ченцова В. Г.* К вопросу о понятии «μέσσοι» в Поздней Византии // *ВО*. 1991. С. 91—101; *Oikonomidēs N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe siècles). Montréal; Paris, 1979. P. 114—123; *Matschke P.-K.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 51; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 71.

⁴ *Matschke P.-K.* Commerce, Trade, Markets and Money: Thirteenth—Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium...* P. 800.

⁵ *Медведев И. П.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона // *ВВ*. 1973. Т. 34. С. 91.

⁶ *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 223.

⁷ *Matschke P. K., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 64—65.

⁸ *Démétrius Cydonès.* Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2. Ep. 328. 8—9.

Однако купцы, в отличие от ремесленников или крестьян, сами непосредственно не производят продукцию, которую реализуют, а выступают лишь в качестве посредников. Поэтому они, по мнению Кидониса, не могут быть полезными городам самостоятельно изготовленными товарами,⁹ паразитируя на труде других. И хотя Кидонис признает, что они продают товар тем, кто в этом нуждается,¹⁰ все же он осуждает купцов, так как они думают только о наживе и прибыли, а не о людских интересах. Для торговца не важна забота о покупателе, им движет материальный расчет. Интеллектуал критикует стяжательство купцов, «которые перевозят товары, чтобы увеличить свою выручку, в то время как они их дешево покупают, но дорого продают».¹¹ С точки зрения писателя, торговцы, стремясь к извлечению барыша, занимаются откровенной спекуляцией на рынках. Столица, где концентрация торговцев была особенно велика, открывала широкие возможности для выгодного сбыта товаров. По едкому замечанию Кидониса, «великий Город (Константинополь. — Т. К.) дает этому зверью изобильные пастбища».¹²

Осуждению подвергается даже не столько торговая деятельность, сколько мораль, царящая среди купцов с их неумной погоней за наживой. «Поклонники оболов видят всю суть человеческого счастья и добродетели» в накоплении денег.¹³ Торговцы, с точки зрения интеллектуала, ограничивают суть своего существования лишь материальным благополучием, не заботясь о нравственной чистоте и духовной свободе. Их главной целью является желание «накопить монеты».¹⁴ Золотой телец для торговцев является идолом, а главным богом — слепой Плутон, одаривающий своими сокровищами подчас людей недостойных. Нравственная сторона поступков в этой среде не имеет значения. Жажда денег лишает человека его человеческого обличия, так как ради монет он готов пожертвовать собой: «...ведь оболы купцу ценнее, чем собственные глаза».¹⁵ Таким образом, критика Кидонисом купечества основывается на разоблачении главной цели их торговой деятельности — получении наживы. Поэтому он не находит оправданий ни занятиям торговлей, ни этике торговцев.

С этих позиций автора пренебрежение к деньгам заслуживает высших похвал. Человек, лишенный страсти к наживе, не уподобляется торговцам, ограничивающим все прекрасное суетным накоплением монет. Независимость от материального богатства дает человеку духовную свободу, позволяя направить свои помыслы к возвышенным целям. В монодии на смерть своего брата Прохора Димитрий Кидонис особо подчеркивает, что тот «был удален от тех, кто стремился к прибыли и

⁹ Ibid. Ep. 328. 7—8.

¹⁰ Ibid. Ep. 328. 10.

¹¹ Ibid. Ep. 328. 13—15.

¹² Ibid. Ep. 247. 22—23.

¹³ Ibid. Ep. 247. 20—22.

¹⁴ Ibid. Ep. 169. 44.

¹⁵ Ibid. Ep. 71. 18—19.

деньгам (это отличительная черта тех, кто его ненавидел), он даже собственность, которая принадлежала ему по закону, еще юношей предоставил в распоряжение бедных...».¹⁶ В набор добродетелей этого человека автор включает не только его презрение к богатству, но и жертвенность, которая была чужда купеческой этике.

Для Кидониса характерна ссылка на моральные ценности торговцев в его критических рассуждениях на различные темы. В частности, он использует намек на обскурантизм торговцев, осуждая своих идейных оппонентов — паламитов. Будучи непримиримым противником исихазма, Кидонис резко выступал против учения Паламы. Интеллектуал был убежден, что адептом паламитских идей могла быть только невежественная толпа. Палама, по язвительному замечанию Кидониса, боясь посвященных в тонкости богословия людей, предпочитал «преподносить свои аргументы торгашам, ткачам, ремесленникам, предоставляя им право судить о его музе».¹⁷ Эти необразованные слои являлись подходящей аудиторией для Паламы: «...для того, что он сказал, они являются, конечно, достойными судьями!».¹⁸ Подобный аргумент критики паламизма лишал это учение интеллектуальной утонченности и ставил под сомнение его научность, уподобляя речи Паламы пустой болтовне на рыночных площадях.

Сравнение с торговцами Кидонис использует для характеристики монахов Афона, которые не брезговали продажей древних манускриптов, не понимая их истинной ценности, не измеримой деньгами. В одном из своих писем императору Мануилу II Палеологу Кидонис описывает попытку василевса заполучить сочинение Платона, находившееся на Афоне. Монахи, видя заинтересованность императора в приобретении рукописи, сознательно завысили цену. В погоне за наживой монахи «желают извлечь выгоды из твоего интереса, хотя другим продали бы ее (рукопись. — Т. К.) за бесценок».¹⁹ Монашество, которым движет материальный расчет, уподобляется в этом случае торговцам. Кидонис подчеркивает недалекость и необразованность афонского монашества, которое не могло оценить сокровища мудрости, которыми оно обладало, видя в древних текстах лишь предмет для торга. Поэтому для Платона, как пишет Кидонис, «Афон несколько не полезней, чем Сицилия, но каждый (монах. — Т. К.) думает, возможно, о том, чтобы продать его дважды».²⁰ Алчность и двуличие монашествующих проявляются в их поведении, так как они, поступая, как мелкие лавочники, выставляют попытки императора снизить цену как неуместные. Кидонис замечает, что, «когда ты нежно с ними обращаешься, они представляют торговлю как святотатство и разыгрывают недоступность».²¹ Как показывают наблю-

¹⁶ *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981—2003. Bd 1—4. № 81. 53—55.*

¹⁷ *Ibid.* № 81. 88—90.

¹⁸ *Ibid.* № 81. 90—91.

¹⁹ *Démétrius Cydonès. Correspondance. Ep. 276. 24—25.*

²⁰ *Ibid.* Ep. 276. 21—23.

²¹ *Ibid.* Ep. 276. 25—26.

дения Кидониса, моральные принципы купечества, которые он резко осуждал, проникали и в иные слои византийского общества. Даже монастыри превращались в рынок, где монахи, подобно торговцам, стремились выгоднее сбыть свой товар. Возможно, критические суждения об афонском монашестве, известном своими исихастскими настроениями, были определены антипаламитскими убеждениями автора.

Следует заметить, что Кидонис прибегает к сравнениям с торговцами, когда желает подчеркнуть главным образом необразованность объекта своей критики. Торговец для Кидониса — антипод ученого. Отсюда и негативные отзывы о торговой деятельности, далекой от утонченного интеллектуального труда. Поэтому Кидонис не желает примириться с тем фактом, что его друг, обладающий натурой философа, «вынужден вести торгашескую жизнь».²²

Для Кидониса, определившего целью своей жизни занятия наукой, немислимым казалось пренебрежение философией ради практической деятельности. Он пытался уберечь от неправильного выбора своего ученика Радена, которого отец стремился приобщить к своим коммерческим делам. Переписка между учителем и учеником, как показал Ф. Тиннефельд, не только содержит дидактические наставления, но и фиксирует нравственно-моральные ориентиры истинного ученого.²³ Жизнь образованного человека, по мнению Кидониса, не может сочетаться с предпринимательской деятельностью.²⁴ Он уверен, что мудрость «мало принесет пользы, если думать только о том, чтобы применить ее в торговых или общественных делах».²⁵ Ученые занятия, по его мнению, не только не носят прикладного характера, но и являются противоположностью практической деятельности. Для усиления эффекта своих слов наставник вновь прибегает к образу торговца, изобличая моральные доминанты торгашеской среды. Кидонис не желает, чтобы его ученик стал «одним из этих торговцев мукой или лавочников».²⁶ Кидонис понимает, что искушение деньгами всегда достаточно велико, поэтому и боится, что Раден между философствованием и материальным благополучием выберет последнее. Поэтому он наставляет своего воспитанника: «Если мы ограничиваем все хорошее деньгами и достигаем этого в жизни, то все прекрасное от нас исчезает, и мы объявим торговцев более важными, чем семь искусств».²⁷ Для Кидониса несовместимы такие понятия, как наука и деньги, возвышенное и мелочное, духовная жизнь и практическая деятельность. В силу этого он настаивает: «Ты должен презирать деньги, даже если бы их было много».²⁸

²² Ibid. Ep. 339. 22—23.

²³ Tinnefeld F. Freundschaft und *παίδεια*: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // Byz. 1985. T. 55. Fasc. 1. S. 228—230.

²⁴ Ibid. S. 231—233.

²⁵ *Démétrius Cydonès. Correspondance...* Ep. 428. 17—18.

²⁶ Ibid. Ep. 177. 10—11.

²⁷ Ibid. Ep. 177. 22—24.

²⁸ Ibid. Ep. 169. 26.

Чтобы Раден мог противостоять тем, кто пугал его бедностью, Кидонис советует вооружиться словами Солона: «Мы не хотели бы обменивать добродетели на богатства. Так и быть, будьте богатыми, если вам это удастся! Но для нас иметь мудрость — это больше, чем доля их богатств, и презирать занимающихся торговлей — это важнее, чем их сокровища».²⁹ Он убеждает ученика, что заниматься наукой вовсе не означает жить в нужде, так как «многие получили большое богатство благодаря научным занятиям, хотя незначительней, чем торговцы с их уловками».³⁰ Для Кидониса подобная дилемма — деньги и богатство или философская жизнь — была решена в пользу последней, но многие молодые люди не всегда могут устоять перед соблазном материального благополучия, принося в жертву свой талант и призвание. Выступая апологетом науки, Кидонис с присущим ему пафосом развенчивает этические нормы и принципы купечества, резко противопоставляя их деятельности ученым занятиям.

Это противопоставление неоднократно можно обнаружить в корреспонденции образованного византийца. Он убежден, что подражать торговцам — недостойное, низкое занятие. Однако Кидонис, по своему ироничному признанию, однажды сам уподобился им, чтобы доставить на родину рукописи из Италии. Словно торговец, Кидонис вез в своем багаже груз, приобретенный в итальянских городах. Но своими товарами он называет книги,³¹ которые, по его замечанию, «поспособствуют большей мудрости друзей».³² Кидонис подчеркивает, что, в отличие от купцов, он даром, не рассчитывая на вознаграждение, привез эти «сокровища мудрости».³³ Моральные принципы не позволяют ему вести себя подобно коммерсантам, всегда рассчитывающим на материальную выгоду. Кидонис заключает, что благодаря своему бескорыстию он «не подражает купцам».³⁴

Для Кидониса признание его литературных талантов было гораздо ценнее, нежели материальное вознаграждение. Он заявляет, что для него как человека, стремящегося к истине, похвала достоинств его творений «дороже, чем все золото на земле и под землей, и я принимаю ее за самое дорогое, и буду лучше оберегать, чем самый скверный корыстолюбец бережет свои деньги...».³⁵ Конечно, Кидонис ни в коем случае не был аскетом, и частые жалобы на недостаток средств, неоднократно встречающиеся в его письмах, красноречиво говорят об этом.³⁶ Но как истинный ученый он расставляет свои жизненные приоритеты, среди которых алчности и страсти к наживе не находится места. Поэтому торговцы, невежественные и ненасытные в своей жажде денег, заслужива-

²⁹ Ibid. Ep. 177. 19—22.

³⁰ Ibid. Ep. 177. 27—28.

³¹ Ibid. Ep. 328. 29.

³² Ibid. Ep. 328. 18.

³³ Ibid. Ep. 328. 12—14.

³⁴ Ibid. Ep. 328. 13.

³⁵ Ibid. Ep. 192. 19—21.

³⁶ Tinnefeld F. Freundschaft und παιδεία... S. 233.

ют лишь презрения со стороны образованного человека. Такая оценка Кидонисом торговцев, пусть и не отличавшаяся оригинальностью мысли, но характеризовавшаяся крайним негативизмом, отражает социальные взгляды и нравственно-моральные доминанты этого интеллектуала.